

**Шляхами на Соловки:
радянське десятиріччя
Михайла Лозинського ***

№№4–5

**Заяви М. М. Лозинського наркомові внутрішніх справ
СРСР М. І. Єжову з клопотанням про звільнення¹**

24 березня У травня

1937р. №

24 березня 1937р.

Народному комиссару внутренних дел
и Генеральному комиссару государственной безопасности СССР *Ежову*
в Москве

ЗАЯВЛЕНИЕ

Лозинского Михаила Михайловича,
члена Украинской Национальной Рады и товарища Государственного
секретаря иностранных дел Западноукраинской Народной Республики и
делегата на Мирной конференции в Париже 1919 г.,
председателя "Комитета народов, угнетаемых Польшей" в Париже
1924 г.,
профессора международного права Украинского университета в Праге
1921–1927 г.,
профессора международного права Института народного хозяйства в
Харькове 1927–1930 г. и Всеукраинского коммунистического института
советского строительства и права в Харькове 1930–1933 г.,
действительного члена научно-исследовательского Института советского
строительства и права в составе Всукраинской ассоциации марксо-
ленинских институтов в Харькове 1931–1933 г.,
старшего научного сотрудника Всукраинской Академии наук в Киеве
1931–1933 г.,
арестованного 21 марта 1933 г. и приговоренного Коллегией ГПУ УССР
в Харькове по делу УВО к 10 годам заключения,
заключенного на о. Соловки в специзоляторе Савватеево.

1.

Обращаясь к Вам с ходатайством *об освобождении меня от дальнейшего заключения*, я, чтобы не повторяться, ссылаюсь на мои заявления: 1) на имя Вашего предшественника *Ягоды* от 10/8 1934 г. и 2) на имя *Сталина* от 20/2 1936 г., в которых (заявлениях) я подробно изложил мою 36-летнюю (1897–1933) политическую, общественную и научную деятельность.

К тому изложению добавлю следующее:

Я уже начал 5-й год заключения и скоро начну 58-й год жизни (род. 30/7 1880).

Если 10-летнее заключение является вообще очень тяжелым наказанием, то для меня, в моем возрасте и при моем состоянии здоровья, оно является приговором к смерти.

Я болею тяжелым *артериосклерозом с расширением аорты и сердца* (о других болезнях не вспоминаю, ибо и той одной достаточно!). Климат, режим заключения, пища, нравственная подавленность — все это способствует углублению болезни, но зато нет того, чем можно бы ей противодействовать. Ведь для того нужны соответствующий климат, бытовые условия, режим питания, возможности лечения, главным образом

З а к і н ч е н н я . Початок див.: Укр. Іст. журн. — 1997. — № 4–6.

периодическое курортное лечение (в СССР - - Кисловодск или Мацеста), т. е. то, что для меня в заключении недостижимо.

За годы заключения я просто физически ощущаю, как моя болезнь постоянно развивается, как невидимая петля все крепче и крепче сжимает меня за горло (это не фраза, — болезнь действительно проявляется чувством *удушья*), — и я должен *беспомощно* ждать, когда меня в лучшем случае убьет внезапная смерть, в худшем — разобьет паралич. Смерть *Куйбышева* или *Геккерта*¹³⁴ достаточно показательны в том отношении, причем нужно помнить, что у них были возможности быта и лечения, о которых мне и мечтать нельзя. Коротко говоря, 4-летнее заключение настолько ухудшило мое здоровье, что я себя чувствую человеком, стоящим над могилой.

Влияние заключения на *умственное* состояние тоже очень отрицательное. Ведь даже при лучшей библиотеке отрыв от жизни был бы отрицательный, — здесь же, принимая во внимание потребности моего умственного развития и моей научной специальности, можно говорить разве о крохах, которые я получаю, благодаря заботам жены, присыпающей мне некоторые журналы и книги. Какая мне, напр., польза от знания 11-ти языков¹³⁵, когда я даже на одном русском языке не могу получить и солидной доли того, что мне нужно. В таких условиях языки ужасно забываются и вообще память слабеет.

Бытовые условия: пребывание под замком, "параша" в камере, общая оправка, приравнивающая культурного человека к скоту (ибо даже самые примитивные дикари скрываются для отправления физиологических потребностей!), уравниловка и со стороны администрации, и со стороны заключенных в направлении самого низкого, некультурного, — все то вызывает тяжелую нравственную подавленность.

Вот в каком состоянии пришлось мне как раз в текущем месяце "отпраздновать" *40-летие моей деятельности*¹³⁴, в сентябре текущего года придется так же "отпраздновать" *10-летие приезда в СССР* (с которым было связано столько надежд!), потом — *60-летие с дня рождения* (1940 г.), *40-летие семейной жизни* (1941 г.)...

Так изо дня в день заключение убивает меня физически и духовно, отнимает у меня последние жизнеспособные и работоспособные годы и, вернее всего, вообще последние годы жизни. И даже если я доживу окончания срока заключения, то в каком состоянии?!

При том страдаю *не один я*.

Страдает моя *жена*, 63-летняя женщина (род. 1874 г.), возраст и состояние здоровья которой не дают ей почти никакой надежды дожидаться моего освобождения.

Считаю нужным отметить, что моя жена — старшая сестра большевика, пок[ойного] *Виктора Таратуты*, работавшего во время революции 1905 г. в московской организации, входившего в 1908—10 г. в состав ЦК партии, находившегося в близких отношениях с Лениным и Н. К. Крупской (см. ее воспоминания) и умершего в 1926 г. в Москве на посту председателя правления Внешторгбанка. Так как моя жена его воспитала (после преждевременной смерти отца), направила на путь социализма, сама работала вместе с ним в с[оциал]-д[емократических] кружках Елисаветграда (в конце 1890-х гг.), поддерживала его материально и морально в царской тюрьме, - - то можно сказать, что в том, что он сделал на революционном поприще, есть и доля ее заслуги.

Теперь, возвратившись на старости лет на оновленную Родину, дав ей 4 детей, высококвалифицированных специалистов, кончивших заграничные школы (в Германии, Австрии и Чехословакии), знающих три

основные мировые языки (английский, немецкий и французский), она, вместо спокойной, уютной старости, сделалась *вдовой живого мужа*, считающей счастьем, если ей разрешат повидаться с ним несколько часов под стражей.

Страдают *мои дети*, на жизненный путь которых мое заключение ложилось зловещей тенью, которая до смерти будет отравлять им радость жизни и труда. *Трос* из них были после моего заключения выброшены из работы и так заклеимленные должны были искать новой работы, причем один сын, доцент Ин[ститу]та химии и старший научный сотрудник н[аучно]-и[сследовательского] Ин[ститу]та огнеупорных материалов, должен был бросить научную работу и пойти на завод на периферию, дочь же, тоже научная работница (по патофизиологии), только через Комиссию советского контроля получила возможность работать¹³⁵.

И за что же такое ужасное наказание?

Как я уже заявил Ягоде и Сталину, я не совершил по отношению к Советской стране, которую добровольно избрал своей родиной, никакого преступления, я честно работал 10 лет (со времени перехода на советскую платформу за границей в 1923 г. до дня ареста) для нее и моя совесть пред ней чиста.

Конечно, я понимаю, что *без причины* не делают с человеком того, что сделано со мною. Мой арест открыл мне глаза на то, чего я до того никогда не подозревал: *что советская власть мне не верит*, что она не поверила моему переходу на советскую платформу и моей 10-летней советской деятельности.

Но теперь, когда мне, *как политическому деятелю*, заключением была нанесена *политическая смерть*, какой государственный смысл в том, чтобы старый, больной человек умирал в заключении медленной мучительной смертью, чтобы от того страдала его семья?! Разве политическая смерть + уже пятый год заключения + потерянное здоровье + страдания семьи не были бы достаточным наказанием даже за серьезное преступление?!

Я понимаю, что советская власть, которая не поверила моей 10-летней советской деятельности, не может верить и моим теперешним заявлениям. Но какую опасность представляю я теперь для советского государства? Пусть мне будет разрешено работать в любом центре, даже в Харькове или Киеве, чем я могу быть опасный? С клеймом *сояовчанина* я везде буду, с *одной стороны*, *одинок*, ибо люди будут избегать меня, боясь общением со мной обратить на себя внимание органов государственной безопасности, и я буду избегать людей, подозревая в них агентов тех же органов или добровольцев, стремящихся проявить свою бдительность, с *другой стороны*, я буду *под* самым широчайшим *наблюдением* администрации, месткома, парткома и сослуживцев по месту работы, администрации и соседей жакта, — не говоря уже о наблюдении органов государственной безопасности. В таких условиях, какая опасность может угрожать советскому государству от меня?!

Так как совесть моя пред Советской страной чиста, и я готов честно трудиться для нее до конца дней моих, я обращаюсь к Вам с ходатайством:

Обратите внимание на мое состояние, на состояние моей жены и детей! Верните мне свободу, верните тихий покой последних лет жизни моей жене, верните моим детям радость жизни и труда! Дайте мне по-человечески кончить мой жизненный путь, провести последние годы жизни на полезной работе для Страны, которую я, 10 лет тому назад, с такими надеждами добровольно избрал Родиной для себя и своих детей!

Если будет на то воля советской власти, чтобы я вышел на свободу, я просил бы:

1) независимо от того, где мне будет разрешено жить, разрешить мне поехать в Харьков для свидания с семьей; 2) разрешить мне отбыть курс лечения в Кисловодске или Мацесте; 3) из моего архива, который у меня был взят при аресте, отдать мне бумаги личного и семейного характера (свидетельство рождения, школьные свидетельства и т. п.); политические документы я прошу передать в соответствующее научное учреждение, напр., в Академию наук УССР; 4) принимая во внимание мой возраст и состояние здоровья, а также возраст и состояние здоровья моей жены, разрешить мне жить с моей семьей или же хотя бы в небольшом расстоянии от ее места жительства; 5) дать мне работу соответственно моим знаниям, чтобы я мог и работать с пользой для Советской страны, и заработать на жизнь для себя и жены; дабы не быть в тягость себе и детям.

Относительно работы, я как профессор международного права и автор самого подробного курса¹³, из изданных в СССР (курсы Коровина, Листа в сокращенном переводе Грабаря, Пашуканиса), просил бы дать мне возможность продолжать и окончить работу над *капита/іьнмі изложением международного права*, какие имеются в изобилии в иностранных литературах и какого нет ни в русской дореволюционной, ни в советской литературе.

План того изложения, работу над которым прекратило мое заключение, следующий:

Том I. *Сущность и развитие международного права*: Теория международного права. История международных отношений. История науки международного права. Библиография международного права.

Том II. *Государство в международном праве*: Учение о государственной суверенности. Территория государства. Население государства. Государственные органы международных отношений.

Том III. *Международное общение*: Учение о международном договоре. Более важные договора в систематическом изложении.

Том IV. *Мирные решения международных конфликтов*.

Том V. *Война*: Общее учение о войне и нейтралитете. Проблема разоружения. Военные действия и нейтралитет на суше, на море и в воздухе.

Добавления: Документы к изучению международного права.

Том VI. *Собрание более важных договоров*.

Том VII. *Собрание более важных постановлений о мирных решениях международных конфликтов*.

Том VIII. *Марксе-ленинская хрестоматия международного права*: Взгляды классиков марксизма-ленинизма по международным вопросам. Решения 1-го, II-го (до 1914 г.) и III-го Интернационалов по международным вопросам.

Если же волей советской власти я должен дальше оставаться в заключении, я прошу Вас *отпустить меня на более продолжительное время в Харьков, чтобы я перед смертью мог еще повидаться с женой и детьми*¹⁴.

Это - единственный реальный путь для меня повидаться с ними, ибо одновременный приезд 5-ти человек для свидания со мной для них невозможен, так как, во-первых, дети работают, и трудно для них согласовать одновременный отпуск, во-вторых, им трудно собрать столько денег, чтобы оплатить путешествие 5-ти человек (ведь нужно минимум 300 руб. на человека!), - помимо же того - имеет ли политический смысл, чтобы последнее воспоминание моих детей обо мне ассоциировалось у них всю жизнь с тюремной обстановкой с ее вахтерами, личными обысками, конвоями и т. п. вплоть до собак-ищеек? '

Потому я прошу Вас дать мне возможность повидаться перед смертью с семьей в человеческой обстановке.

III.

Поскольку же то или в текущем году, или вообще невозможно, я прошу Вас *разрешить мне в текущем году* более продолжительное (по возможности одномесячное) *личное свидание с женой*.

До сих пор я имел в 1935 г. и 1936 г. свидание с женой *на общих началах*, каждый год по 10 часов, разделяемых по 2 часа в продолжении 5-ти дней.

Как для жаждущего и капля воды, так для нас и такое свидание — большое благо. Но я прошу Вас принять во внимание не только нравственную неудовлетворенность, но и мучительность таких 2-часовых свиданий под стражей, с личными обысками не только меня, но и жены до и после каждого свидания, — что особенно тяжело отражается на жене (ведь я, как заключенный, должен привыкнуть ко всему тому); дачыше, прошу Вас принять во внимание, что при возрасте и состоянии здоровья моем и жены *каждое наше свидание может быть последним в нашей жизни*, — и прошу Вас не отказывать нам, пока мы еще оба живы, в более человеческом личном свидании.

(саватьево
Лозинский
14.III.1937

М.

Архів УСБУ по Харківській обл., спр. 013030, т. 3, арх. 489 (конверт).
Автограф чорнилом.

№

8 травня 1937 р.

Народному комиссару внутренних дел и Генеральному
комиссару Государственной безопасности
Касову

ЗАЯВЛЕНИЕ

Лозинского Михаила Михайловича,
члена Украинской Национальной Рады и товарища Государственного
секретаря иностранных дел *Западноукраинской Народной
Республики* и делегата на Мирной конференции в Париже 1919 г.,
председателя "Комитета народов, угнетаемых Польшей" в Париже
1924 г.,
профессора международного права *Украинского университета в Праге*
1921-1927 гг.,
профессора международного права *Института народного хозяйства в
Харькове* 1927—1930 гг. и *Всеукраинского коммунистического
института советского строительства и права в Харькове* 1930—33
гг.,
действительного члена *н/аучно-и/исследовательского/Института
совете
кого строительства и права* (входящего во *Всеукраинскую
ассоциацию
Маркса ленинских институтов*) в Харькове 1931—33 гг.,
старшего научного сотрудника *Всеукраинской Академии наук а
Киеве* 1931—33 п., -
арестованного 21 марта 1933 г. и приговоренного Коллегией ПГУ УССР
по делу УВО к 10-ти годам лишения свободы,
в настоящее время заключенного в тюрьме *ІУТЬ НКВД СССР Саватьево*
есо на о. Соловках.

Поддерживая мое заявление на Ваше имя от 24 марта текущего года, в котором (заявлении) я прошу Вас об *освобождении от дальнейшего заключения*, а также о *свидании с семьей* и в частности с женой,

я, ввиду *новых условий заключения*, созданных введением "Правил внутреннего распорядка в тюрьмах. Главного Управления Государственной Безопасности НКВД Союза ССР для осужденных" от 15 марта 1937 г., обращаюсь к Вам со следующей просьбой:

Хотя я отбываю уже *пятый* год заключения, я до сих пор *не знаю точно моего приговора*, так как *текст приговора не был мне объявлен*.

Следователь *Пустовойтов*¹³⁹ на очередном допросе 19 ноября 1933 г. объявил мне приговор только следующими словами: *"Есть уже решение по Вашему делу, Вы получили десять лет"*, - - добавляя, что на том не конец, ибо меня будут обвинять еще по какому-то делу.

На мой вопрос: "Чего десять лет (т. е. какой род наказания) и по каким статьям УК?" — следователь заявил, что этого мне не может сказать.

25 ноября 1933 г., когда меня перевели в пересыльную тюрьму, там мне было сказано, что я получил *"10 лет трудово-исправительных лагерей на Севере"* (тоже без предъявления текста приговора).

После прибытия в Савватьево (23 мая 1934 г.), начальник Изолятора при заполнении анкеты продиктовал мне статью 5<?, [п.] 3, 4 УК.

В 1936 г. на мою просьбу о предъявлении мне текста приговора я получил от 111-й части Соловецкого отделения ББК справку, что я приговорен по статье 58, [п.] 3, 4, 6.

Но позже, при проверке какой-то анкеты, мне опять было сказано, что я приговорен по статье 58, [п.] 3, 4.

Так дело обстоит и до сих пор: я не знаю точно ни *статьи*, по какой я приговорен, ни *рода наказания*, к которому я приговорен.

Относительно последнего мне — до объявления вышеназванных правил, сделанного 19 апреля тек[ушего] года, — всегда разъясняли, что *Изолятор Савватьево — не тюрьма, а часть лагеря* и подлежит Главному Управлению Лагерей (ГУЛАГ).

Теперь условия моего заключения и формально, и фактически переменились.

Введением вышеупомянутых *Правил* Изолятор Савватьево объявлен *тюрьмой ГУГБ НКВД СССР*, внутренний распорядок которой (тюрьмы) лишил меня даже того минимума возможностей в *бытовом, умственном и нравственном* отношении, которым (минимумом) я пользовался до введения *Правил* и который (минимум) давал мне возможность хотя в некоторой мере *предохранять себя* от той физической, умственной и нравственной *деградации*, к которой неизбежно ведет тюремное заключение.

В частности:

А) В *бытовом* отношении:

До сих пор, при общих прогулках (летом по 1 1/2 ч., зимой по 1 ч. дважды в день, до обеда и после обеда), на которых можно было вести разговоры, устраивать совместные чтения, заниматься играми (в шахматы, шашки и т. д.), *отдельная камера считалась особым удобством*, которого я не мог никак удостоиться. Но как раз накануне введения *Правил* мой сокамерник серьезно заболел, и я *остался один в камере*. Теперь, на основании новых правил, *это равнозначно с самой строжайшей изоляцией*: в камере я один, на прогулке один и не вижу никого, кроме лиц тюремного надзора.

Но попасть теперь в общую камеру тоже не радость, — ибо заключенные в очень подавленном настроении, нервничают, а в таких условиях нервное напряжение разряжается озлоблением друг на друга и т. п.

На основании новых правил у меня были отняты все *"лишние"* предметы ежедневного обихода: посуда, нож, вилка, зеркало, возможности регулярно бриться, стричь ногти, собственная одежда, собственная постель и т. п. Конечно, с известной точки зрения, все это - *"лишнее"*, но без тех *"лишних"* вещей *человек делается дикарем*.

Для меня лично, напр., *собственная постель совсем не лишняя*. При моем *артериоасиерозе* с ощущениями *удушья*, с *постоянной головной*

болью спать при свете лампы, которая режет глаза и запахом керосина отравляет воздух, на казенной соломенной подушке — это значит целую ночь мучиться в полусне; при том и под одним казенным одеялом и теперь, в теплые дни, холодно, а я страдаю *ревматизмом и ишиасом*

Дальше: новые правила лишили меня возможности получать *продукты*, которые служили дополнением и коррективом для нужного мне режима питания, а также получать *лекарства*, которых я здесь получать не могу. Напр., мои *зубы* нуждаются в *коронках*, которые я должен был получить из дому. Теперь я буду вынужден *удалить* те зубы, которые нуждаются в коронках и разрушить всю мою зубную систему, взамен которой в лучшем случае получу протезы, сделанные из плохого материала и топорным образом.

Лишение нужных продуктов, конечно, *отразится на состоянии моего здоровья*. Ибо, хотя на основании новых правил я имею право покупать продукты на сумму до 50 руб. в месяц, - - но те продукты, какие мне нужны (в первую очередь сливочное масло), *мне не отпускаются*.

С *психологической* точки зрения должен отметить следующее: факт, что у заключенного отнято все "режущие и колющие предметы", а также подтяжки, суггерирует (викликає. - - О. Р.) заключенному *мысль о самоубийстве*: у тебя, мол, отнимаются предметы, могущие быть орудием самоубийства, ибо ты подчиняешься такому суровому режиму, который может тебя довести до мысли о самоубийстве...

Б) В *умственном* отношении:

До сих пор я получал из дому газеты и журналы, издаваемые в СССР на иностранных языках, украинские журналы "*Більшовик України*", "*Під марксо-ленінським прапором*", "*Радянська література*". русские журналы "*Большевик*", "*Советское государство*", "*Мировое хозяйство и мировая политика*", "*Фронт науки и техники*", а также *русские, украинские и иностранные книги*. Это, конечно, было не то, что нужно для полного удовлетворения моих умственных запросов, но все-таки это давало мне возможность хотя бы в черном сцедить за научным развитием и не очень отставать от него.

Теперь, с запрещением получать литературу, я всего того лишен. Тюремная же библиотека не может удовлетворить даже запросов человека со средним образованием.

Дальше: до сих пор я мог не только читать, но и *научно работать*, т. е. делать записки, переводы и упражнения по иностранным языкам, и весь этот материал держать у себя в камере и пользоваться им. *Теперь я всего этого лишен*. Я имею право иметь только две тетради (фактически получил только одну), которые, когда их заполню, должен отдать. Значит, делать в них записки для пользования в дальнейшей работе нельзя.

О *больших работах* не может быть и речи. А, между тем, я как раз начал работу над *подробным конспектом по международному праву* (план этой работы, в 5-ти томах, с 3 томами документов, имеется в моем заявлении от 24 марта 1937 г.), а также начал писать *мемуары*.

Относительно мемуаров, в марте текущего года исполнилось 40-летие моей общественной деятельности, *и мне есть о чем писать мемуары*. И если бы даже по соображениям того порядка, что моих вещей нельзя печатать, мои мемуары после моего освобождения или моей смерти в тюрьме остались в архиве НКВД, то в будущем они принесли бы пользу для исторических работ об эпохе, в которой я действовал.

Но по *новым правилам* я лишен возможности работать и над *международным правом* и над *мемуарами*. **Or Вас зависит - - дать мне эту возможность.**

В общем и целом удоалетворение моих умственных запросов ограничено тюремной библиотекой, что для меня означает *полнейшую умственную деградацию*.

В) В нравственном отношении:

В этом тяжелом нравственном состоянии, в котором я уже нахожусь пятый год вследствие заключения, единственным моим утешением была надежда на *ежегодные свидания с женой*, с которой меня связывает сверх 30-ти лет (с 1901 г.) совместной жизни. Эта надежда у меня новыми правилами тоже *отнята*.

Мне предстоит до конца срока еще около 6 лет заключения. Состояние моего здоровья такое, что я и до сих пор сомневался, доживу ли я [до] конца срока; *теперь же, при новом режиме, я уверен, что не доживу*. И представьте себе тот душевный мрак, который заполняет всю мою жизнь при мысли, что я до смерти буду мучиться в одиночной тюремной камере и никогда не увижу даже самого родного человека. (*Мне запрещено держать в камере даже фотокарточки жены и детей*).

При том моей жене уже 63 года, она тоже больна и жить ей осталось недолго... *Потому я прошу дать мне возможность свидания с ней*.

В общем и целом новые правила моего заключения *равнозначны для меня с новым приговором*. Впечатление, какое они произвели на меня, выразилось в *значительном ухудшении моей сердечной болезни*. Это пока только *нравственный эффект* новых правил; *фактические следствия*, вызванные ухудшением питания, отсутствием предметов бытово-культурного обихода, одиночным заключением, сокращением пребывания на воздухе, умственным отставанием, нравственной подавленностью, — еще не имели времени сказаться, они еще впереди.

При том я — человек старый (род. 30/7 1880) и тяжело больной (тяжелый атеросклероз с расширением сердца и аорты, ревматизм, ишиас, колит), так что *предо мной только одна перспектива: из тюремной камеры в могилу!*

Те новые, черезчур суровые условия тюремного режима, в которые меня повергли вышеупомянутые *Правила*, — *в связи с незнанием моего подлинного приговора* приводят меня на мысль: неужели действительно я приговорен к такому ужасному тюремному режиму? Неужели действительно такова воля советской власти, чтобы я погиб в тюрьме?

Я отгоняю от себя мысль, что это так. Те условия, в которых я находился до сих пор, вселили в меня надежду, что советская власть не хочет моей смерти, что она после истечения известного периода заключения даст мне возможность окончить мою жизнь на свободе, провести мои последние годы на полезной работе.

И потому я обращаюсь к Вам:

Я просил Вас в вышеупомянутом заявлении от 24 марта и теперь прошу: *освободите меня от дсийнейшего заключения!* Четыре годы заключения так меня измучили, отняли у меня столько здоровья и жизни, что неужели я еще не искупил всех тех "вольных и невольных грехов", за которые советская власть сочла нужным повергнуть меня в заключение?! Дайте мне возможность прожить последние годы моей жизни на свободе, в кругу семьи, за полезной работой!

Но даже если Вы это считаете невозможным, неужели нельзя *дать мне более легкую форму наказания* в условиях, в которых я не погибал бы физически и умственно, в которых, отбывая наказание, я *мог бы отдавать свои знания на полезную работу* и так готовить себя к работе на свободе?!

Прошу Вас, подумайте об этом, не дайте мне погибать в тюрьме!

И еще прошу Вас, *сделайте мне следующую мшюсть*:

Видите, это заявление будете, конечно, читать не Вы, а *Ваш сотрудник*, через руки которого такие заявления проходят ежедневно, без

числа. Ничего удивительного, если из-за бумаги не будет виден человек, если мое заявление вызовет приблизительно такое разсуждение: "Да, всякий хотел бы выйти из тюрьмы, но умирают же преждевременно хорошие люди, так не будет никакой беды, если даже умрет в тюрьме какой-то украинский националист — враг народа". И будет на моем заявлении написана резолюция: "Оставить без последствий" (как, наверное, на всех моих предыдущих заявлениях), и я останусь погибать в тюрьме.

Так вот я прошу Вас (и прошу Вашего сотрудника, который будет читать это заявление, передать Вам мою просьбу), сделайте мне милость, **вызовите меня к себе**, посмотрите на живого человека, поговорите с ним, выслушайте его, пошлите его в хорошую клинику для тщательного исследования состояния его здоровья, — *ибо я верю, что тогда Вы увидите* (независимо от Вашей оценки отдельных периодов моей жизни), *что я не заслуживаю того, чтобы кончить жизнь под суровым режимом "Правил внутреннего распорядка в тюрьмах ГУТБ НКВД СССР"*, — и дадите мне возможность провести последние годы жизни на полезной работе для Советской Страны, которую я избрал добровольно Родиной для себя и своих детей.

Соматпик»

* V. 1937

M.

Лозинский

Архів УСБУ по Харківській обл., спр. 013030, т. 3, »рк. 489 (конверт). Оригінал. Автограф чорнилом.

³¹ Листи М. М. Лозинського до наркома внутрішніх справ СРСР М. І. Єжова від 24 березня та 8 травня 1937 р. зберігаються у третьому томі кримінальної справи правника в окремому конверті (арк. 489). Написані вони в учнівських зошитах без обкладинки: перший — 10 аркушів, заповнених з обох боків, другий — 8(16 сторінок). Виділення в тексті — М. М. Лозинського.

У цьому ж конверті зберігаються: супровідний лист (від 25 травня) за підписом нач 10 (тюремного) відділу ГУДБ НКВС СРСР старшого майора держбезпеки Я. М. Вейтігто ка, з яким до 8 (обліково-розподільчого) відділу ГУДБ надсилалася заява М. М. Лозинського від 8 травня 1937 р., а також інформаційна довідка про в'язня (прізвище, ім'я, по батькові; дата засудження; статті Кримінального кодексу, та якими за суджений; орган, що засудив; термін ув'язнення та місце відбування покарання — Соловки), підписана нач. 3 відділення 10 відділу ГУДБ капітаном держбезпеки Мудровим 8 липня 1937 р.

Доля, що спіткала ці, як і попередні звернення М. М. Лозинського, пророчесь накреслена самим автором у листі від 8 травня: *"И будет на моем таявлении написана резолюция "Оставить без последствий" (как, наверное, на всех моих предыдущих заявлениях), и я оста нусь погибать в тюрьме"*.

Документа, що наводяться, суттєво доповнюють і уточнюють обставини побуту соло вельких в'язнів українців наприкінці 1930 х років, яскраво змальованих у хрестоматійних мемуарах С. Підгайного (1947) "Українська Інтелігенція на Соловках: Спогади 1933—1941". До речі, у книзі С. Підгайного прізвище М. М. Лозинського не згадується. І не згадується, очевидно, з тієї причини, що автор мемуарів не мав доступу до одного -> "таємних, так званого "Саватієвського", ізолятора", розташованого "у скиті й церкві Святого Саватія на великому Соловецькому острові, поблизу "Секирної" гори" (Див.: *Підгайний С. Назв, праця. — С. 64—65*). Наприклад, "Правила внутрішнього распорядка в тюрьмах Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР для осужденных" від 15 березня 1937 р. оголосили мешканцям ізолятора (за М. М. Лозинським) 19 квітня, решта ж соловчан (за С. Підгайним) довідалась про них лише 22—25 червня (Див.: *Підгайний С. Назв, праця. — С. 30*).

У спогадах С. Підгайного неодноразово (напр., с. 31, 62, 78, 87 та ш.) наголошується, що восени 1937 р. до завершення навігації із Соловків вивезли два великих етапи, з першим з яких острови залишила основна маса політв'язнів-українців. Мемуарист вважав, що IX відправили для праці в інших таборах СРСР. Відомі ж на сьогодні документи свідчать, що вивезення відбувалось для виконання вищезгаданого вироку Трійки УНКВС СРСР по Ленінградській обл. від 9 жовтня 1937 р. (а також інших аналогічних рішень цього позасудового органу) про вищу міру покарання. Отже, страта відбулася вже на материк.

Вказівки на місце виконання вироку стосовно цієї групи в'язнів, серед якої перебував і М. М. Лозинський, ті нечисленні акти про розстріл, котрі збереглися, не містять (Див., напр., акт про страту В. І. Атаманюка-Яблуненка у кн.: *Рубльов О. С, Черченко Ю. А. Назв, праця. — С. 299*).

Лише у липні 1997 р. завдяки спільному пошуку Управління Федеральної служби безпеки РФ по Республіці Карелія, представників адміністрації м. Медвежєгорська, відділень товариства "Меморіал" Республіки Карелія та Санкт-Петербурга віднайдено раніше невідоме масове поховання у лісовому масиві (урочище "Сандармох") поблизу піщаного кар'єру на 19-му кілометрі автошляху Медвежєгорськ Повенець. Тут, неподалік колишнього рибігничої с/поселення Мгдвсжа Горл (нинішній "Медвсжєгорськ") тодішньої Карельської АРСР на площі близько 6 га знаходяться останки 8–9 тис. жертв сталінського терору 1937–1938 рр. На думку членів Санкт-Петербурзького "Меморіалу", саме у цій місцевості 27 жовтня 4 листопада 1937 р. були страчені і поховані вивезені із Соловків в'язні (1111 осіб) (за наданою інформацією автор висловлює глибоку подяку відповідальному працівникові ДА СБУ Г. В. Смирнову).

Операція по перевезенню потребувала часу, чим і пояснюється такс незвично тривалі (майже місяць: 9 жовтня — 4 листопада) зволікання з виконанням страти у цьому "скорострільному" році.

¹⁵² Геккерт (Heckert) Фріц (1884–1936) — діяч німецького й міжнародного робітничого руху. Член ЦК КПН (1919–1936), член ВККІ (з 1928). Помер у Москві 7 квітня 1936 р.

33 "Украинский, русский, белорусский, польский, чешский, английский, итальянский, немецкий, французский, латинский и (старо)греческий" (примітка М. М. Лозинського).

"О ее размерах пусть говорит то, что так только напечатанное мною дало бы 1 500 печатных листов, т. е. 50 томов по 500 страниц" (примітка М. М. Лозинського).

"Я не говорю уже о моих родственниках, бедных украинских крестьянах в Галиции, которых я далее не могу известить, что со мной" (примітка М. М. Лозинського).

¹⁵⁴ "Міжнародне право. — Харків, 1931. — Ст. 519 (т. е. сверх 30 печатных листов). Это — пока единственная работа на украинском языке" (примітка М. М. Лозинського).

"С детьми мне не было разрешено свидаться перед отправкой из Харькова" (примітка М. М. Лозинського).

¹⁵⁸ "В прошлом году я имел с женой свидание на общих началах на

Морсплаве. Меня

отправляли и) Морсплава обратно на Соловки в последний день свидания

вместе с очередным

этапом заключенных, под конвоем с собаками-ищейками, — и моя жена,

которая видела и

брата в царской тюрьме, и меня в австрийской, теперь увидела меня под

охраной собак ищейек.

А ведь можно было отправить меня с отдельным вахтером (ведь трудно меня

подозревать и

намерении побега!) и не давать старой, ба/ьной, измученной женщине

такого зрелища".

(примітка М. М. Лозинського).

¹⁵⁹ Пустовойтов Сергій Аполлонович (1893–1937) — уроженець м.

Тамбова, дворянин. У зазначений час — уповноважений, згодом нач.

відділення Секретно політичного

відділу УДБ НКВС УРСР. Репресований.

Пу/їїкація, упорядкування та примітки

О. С. РУБЛОВА